

Говорит и рассказывает
Москва, 1978, 18 сен

Телевидение

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ ЮРИЕМ БОНДАРЕВЫМ

Вечер в Концертной
студии Останкино

СРЕДА, 25 ЯНВАРЯ,
1 ПРОГРАММА, 21.30;
«ВОСТОК» — 19.00

— Оптимисты, определяя литературу, говорят, что это форма второй жизни, потому что, когда я читаю роман, я глубоко убежден, что удлиню свою жизнь. Пессимисты подчас говорят, что литература — это трагический акт самопознания... Я бы сказал, что литература — это самопознание, самоутверждение и, если хотите, самопаказание в том случае, если она отходит от наивысшей категории, которая называется совесть, — так начинается разговор с читателями Юрий Бондарев, лауреат Ленинской и Государственных премий, автор произведений «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тишина», «Горячий снег», «Берег». — Я хотел бы, чтобы сегодняшняя наша встреча была диалогом, я готов ответить на ваши вопросы, связанные с искусством.

— Какое из ваших произведений наиболее любимо вами?

— Если бы я сказал, что наиболее любима мною первая моя повесть, которую я писал в состоянии одержимости, эта повесть называется «Батальоны просят огня», это была бы правда, но не вся правда, ибо такое же отношение у меня и к последнему роману «Берег», к «Горячему снегу»... Отношение у меня к своим повестям и романам такое же, как и к детям своим, я не могу разделить свою любовь и сказать самому себе, что детей я люблю неодинаково...

— Были ли вы сами участником тех событий, о которых вы пишете в «Горячем снеге»?

— Да, был. И я думаю, что в каждом романе, в каждой повести всегда присутствует сам автор, часть его жизни, его чувства, его мысли.

— Пробовали ли вы свои силы в поэтическом творчестве? Ваше отношение к месту поэзии в человеческой жизни?

— Я пробовал свои силы в поэтическом творчестве, это было давно, в 46-м году, когда я вернулся после войны из армии. Это были очень решительные, но очень слабые стихи, я подражал Блоку, Есенину, Твардовскому. Это были до того неудачные опыты, что слава богу, я их успел когда-то уничтожить... Поэзия, я думаю, — это область, которая находится между районом прозы и безмерным пространством музыки. Мне кажется подчас, что музыка — это как бы расторможенные силы самой природы, человеческих чувств, и вот между областью прозы и бесконечностью музыки лежит поэзия, которая, думаю, чрезвычайно нужна в нашей жизни...

— После появления романа «Берег» о нем много говорили и писали... Не расскажете ли вы, как родился замысел этого романа?

— В 66-м году сутки мне

пришлось сидеть на одном аэродроме. Было очень туманно, сыро, самолеты садились не вовремя, залы ожидания были переполнены. Я был один, ждал и наблюдал за пассажирами. Не знаю, как возникают вот эти первые мгновения, но мне кажется, что роман начинает писаться еще задолго до того, как выведена первая строчка на бумаге. И в тот момент, когда я увидел женщину, входящую с саквояжем в зал ожидания, я вдруг подумал, что сейчас должна произойти встреча некоего человека вот с этой женщиной и этот человек не встречался с этой женщиной целую вечность, со времен своей юности... Вот это был какой-то первый толчок...

— Счастливы ли вы?

— Сначала нужно определить, что такое счастье. У меня бывают такие ощущения, наверное, у вас тоже не раз бывало, когда вдруг уловленная дальняя мелодия то ли скрипки, то ли пианино вызывает какое-то смутное, но чрезвычайно тонкое ощущение счастья. Я не знаю, что это такое, может быть, это возвращение какого-то определенного момента твоей жизни, когда ты был счастлив...

Я думаю, что счастье — это метод последовательного приближения к цели. Я бываю счастлив, когда я работаю, я счастлив в тот момент, когда мне нужно куда-то ехать, я очень счастлив, когда я встречаюсь с человеком, с которым можно поспорить и который готов понять тебя, потому что возникает человеческое взаимопонимание... Но это вопрос романа, вопрос пьесы — счастливы ли вы? Это вопрос всей литературы — счастливы ли вы?

— Что вы больше всего цените в человеке?

— Я бы сказал, доброту, человечность, культуру, но не внешнюю культуру, а культуру духа, культуру, связанную с этической высотой человека, культуру, которая абсолютно отрицает алчность, выгоду, расчет. Вообще окончить институт — это еще не значит быть культурным человеком, можно окончить три института и быть человеком темным, я говорю именно о культуре внутренней, духовной, что приводит к человеку, кстати, вместе с книгами, которые познают человека и мир в человеке...

На многие другие вопросы, связанные с собственными произведениями, с литературой, искусством, философией, отвечает Юрий Бондарев на встрече с читателями, он знакомит зрителей и со страницами своей новой книги «Мгновения».

Интервью взяла Т. ЗЕМСКО-ВА

Фото В. Ганчуна